

ЧАРОВНИЦА
ИСПОВЕДЬ ВЕДЬМЫ

Александр Владимиров

Александр Владимиров

Чаровница. Исповедь ведьмы

«Кислород»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)64-44

Владимиров А.

Чаровница. Исповедь ведьмы / А. Владимиров — «Кислород»,
2020

ISBN 978-5-907342-03-3

Неведомый убийца пытается посеять в городе пандемию страха. Все попытки полицейских поймать его обречены на провал. Кто он? Не марионетка ли неведомых злобных существ из параллельных пространств? И не толкнуло ли его на эти страшные зверства неумное желание приподнять завесу между нашими мирами? Так не лучше ли человеку остановиться перед стеной, ограждающей его от страшного Познания, бежать от него прочь и вернуться к Евангельским Заповедям? Захватывающий сюжет романа, его мистичность и, одновременно реалистичность, а также глубокий философский подтекст обрекают произведение на то, чтобы стать бестселлером. Это лучшее продолжение традиций Гоголя и Булгакова в современной литературе.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)64-44

ISBN 978-5-907342-03-3

© Владимиров А., 2020

© Кислород, 2020

Содержание

Об авторе	6
Пролог	7
1	7
2	10
3	15
4	20
Часть первая	21
Глава первая	21
1	21
2	26
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Владимиров
Чаровница. Исповедь ведьмы
роман

© Александр Владимиров, 2020

© Издательский дом «Кислород», 2020

© Дизайн обложки – Георгий Макаров-Якубовский, 2020

Об авторе

Александр Владимиров – один из наиболее ярких и значимых авторов в русской и мировой литературе.

Его относят к наследникам великих традиций Гоголя и Булгакова. Романы Александра Владимирова – удивительный сплав фантастики и детектива, философии и истории, открытой сатиры и серьезных социальных проблем современной жизни. Его герои увлекают и завораживают, а от сюжетных поворотов порой голова идет кругом. Неоднократный лауреат российских и международных премий, Народный писатель России. Рядом общественных организаций Александр Владимиров был выдвинут на Нобелевскую премию по литературе.

Пролог

1

Иногда Павел и сам не понимал: это тюрьма или все-таки нет? Палаты так напоминали камеры для заключенных, а санитары – беспощадных надзирателей, для которых само слово «сострадание» давно забыто. Все пациенты тут находились не по своей воле. Никто не интересовался их желаниями, лишь одно имело значение: что решит врач – всесильный господин и диктатор.

Павел проработал здесь совсем недолго, но уже начал понимать: это не для него. В самом начале ему объясняли, что он, подобно Моисею, ведет «заблудших овец» к исцелению. Однако реальность чаще была иной: люди не выздоравливали. Наоборот, ломалась их воля, мозги «высушивались» и они готовы были воспринимать только то, что скажут самоуверенные господа в белых халатах, а остальное – от лукавого. Они превращались в рабов, безропотно подчиняющихся установленному обществом порядку и заранее предписываемым каждому условиям игры. Зато скрывающиеся от правосудия преступники чувствовали себя в больнице как рыба в воде. Для них тут был настоящий рай.

Просматривая дела пациентов, Павел снова и снова возвращался к одному из них. Он не мог поверить, что здесь, рядом, в больничной камере, кумир его детства.

В ординаторскую вошла заведующая отделением Елена Петровна Новожилова. Она с интересом посмотрела на молодого врача.

– Все работаете, Павел Сергеевич? Похвально!

– Есть одно дело, которое не дает мне покоя...

– Так... Андрей Николаевич Фирсов. И что вас смущает?

– Он замечательный писатель!

– К нам попадают не только писатели, но и директора компаний, дипломаты и прочие. Честно говоря, половина депутатского корпуса запросто могли бы быть нашими пациентами. По поводу Фирсова... Он чуть не убил членов своей семьи – жену и дочь.

– Громко сказано. Он никого не собирался убивать. Просто хотел остановить машину.

– Вы сами водитель?

– Да.

– Значит, вам хорошо известно, что такое вцепиться в руль, когда за ним другой человек, его жена. Да еще на трассе. Хорошо, что в этот момент дорога оказалась свободной. Автомобиль врезался в дерево без последствий для пассажиров.

– Понимаю...

– Потом он выскакивает из машины и бежит в лес, где его и находят через некоторое время. Может так поступить здоровый человек?

– В жизни случаются разные обстоятельства.

– Обстоятельства – обстоятельствами, но разумный индивид следует определенным правилам. Если он их не выполняет, его место либо здесь, либо там, где еще хуже.

– Интересно, что Фирсова толкнуло на подобный шаг? Он ведь так и не объяснил...

Заведующая отделением посмотрела на молодого коллегу и усмехнулась:

– Не пытайтесь найти оправдание безумным поступкам.

– Но...

– Не пытайтесь! Даже если когда-то вы зачитывались книгами этого человека. Я говорила с его женой. В последнее время Андрей Николаевич вел себя не адекватно. Ни с того ни с сего набросился в магазине на несчастных рабочих мигрантов, обвинил их в оккупации России. Или

вот еще: отнес на свалку новый телевизор. Якобы чтоб спастись от бесконечного преследования нашего вождя. Не глупость?

Талантливые люди часто являются нашими пациентами. Вы в этом скоро убедитесь... Кстати, никто не запрещает Фирсову писать. Все равно работа в стол. И это даже хорошо. С одной стороны, его не третируют: твори что хочешь. С другой – никто его писанину не прочитает.

- Елена Петровна, – осторожно спросил Павел. – А нельзя мне с ним побеседовать?
- Зачем? – спросила заведующая отделением.
- Хочу понять его.

После некоторых раздумий Елена Петровна ответила:

- Фирсов мой пациент. Только я работаю с ним. Но раз у вас такое желание...

Павел отправился в палату, где находился знаменитый писатель. Дежуривший неподалеку санитар сказал, что в случае чего он рядом.

- Думаете, мне потребуется ваша помощь?
- Скорее всего, нет, – рассмеялся парень. – У вас русское лицо.
- Он нападает только на нерусских?
- Ни на кого он не нападает, – махнул рукой санитар. – Может, когда-то сорвался... Или его спровоцировали? Сейчас с ним проблем нет.

Палата оказалась одиночной. Павел увидел человека не первой молодости, исхудавшего, но не выглядевшего сломленным. И в глазах у него прочитывался недюжинный ум.

- Здравствуйте, Андрей Николаевич! – приветствовал его доктор.

Писатель принял его слова безучастно. Павел сделал шаг и... остановился. Он не представлял, о чем можно беседовать в психбольнице с кумиром детства. Однако нельзя вечно играть в молчанку. Не для того он сюда пришел!

– Мне очень тяжело, что мы встречаемся при подобных обстоятельствах. Хочется вам помочь... Я вообще не понимаю, почему вы здесь, и готов сделать невозможное, чтобы только вызволить вас из этой... тюрьмы. Но помогите же и вы мне. Расскажите, как и почему это произошло на трассе?

Фирсов впервые посмотрел на врача долгим пронзительным взглядом и сказал:

- Зачем? Вы все равно не поверите.
- Поверю!
- Это только слова.

– Я прочитал не менее двадцати ваших книг. Вас называют фантастом, но именно вы говорите **настоящую правду**.

Искренняя горячность врача произвела на писателя благоприятное впечатление, взгляд его смягчился. Но потом Фирсов вздохнул:

- Мне уже приклеили метку сумасшедшего. Избавиться от нее непросто.
- Я вам ее не приклеивал. Мало того, я уверен, что вы здоровы. Но мое заключение должно иметь хоть какое-то обоснование. Расскажите, Андрей Николаевич...

Еще несколько минут непонятного ожидания. Павел повернулся, чтобы уйти, но писатель его остановил.

- Хорошо. Только это **очень жуткая история**. Готовы ли вы к такому?
- Кто-то же должен выслушивать и жуткие вещи.
- Тогда возьмите. – Фирсов протянул папку.
- Что это?
- Прочитайте. Меня здесь лишили выхода в интернет, но работать позволяют.
- И как мне потом с этим поступить?
- Вам решать. Я и так сделал что мог...

Андрей Николаевич упал на кровать, казалось, вновь потеряв к собеседнику интерес. Врач попрощался и вышел.

Сегодня у Павла было ночное дежурство. Совершив обход, он присел за стол. Рукопись лежала перед ним и словно призывала поскорее начать чтение. Однако было в том призыве что-то пугающее. Фирсов предупреждал, что история жуткая, Павел боялся, что прикоснется к тайнам, которые, может быть, лучше не знать?

Часы на стене тикали, предвещая приближение ночи. Обычно это понятие в психбольнице условное: никакого спокойствия ждать не приходится. Именно когда за окном господствует тьма, внутри некоторых больных просыпаются звери. Звери рвутся на охоту, но, видя запертые двери, бросаются на них и безумно голосят. Как ни странно, сегодня пока царило относительное спокойствие. Все подвигало Павла к тому, чтобы он поскорее начал чтение.

И он решился!

2

«...Началась эта история давным-давно, в последние годы существования Советского Союза. Я только что поступил в один из престижных вузов Москвы и, чтобы избавиться от напряжения вступительных экзаменов, был безумно рад сменить обстановку. Такая возможность вскоре представилась: моя мать, актриса театра оперетты, предложила поехать с ней на гастроли в Донецк. Я с радостью согласился.

Этот южный город мне понравился. Современные здания соседствовали с изумительными постройками старины, мчащийся поток машин – с благоухающими парками, застывшими в вечном спокойствии. По тротуарам центрального проспекта прогуливались толпы людей, слышались обрывки разговоров, шутки, смех. Никому бы из них и в голову не пришло, что наступит время, когда раскинувшееся над ними небо озарится вспышками войны, а ужас и страдания станут неотъемлемой частью их жизни.

Я быстро освоился в театре; несколько дней – и меня знали большинство ведущих актеров и актрис. На спектакли меня пускали бесплатно, я обычно поднимался на второй ярус и прятался в темноте ложи. Уже знал героев и сюжетные повороты основных оперетт. И, что самое главное, интерес к театру только возрастал.

Это было великолепное время! Утром – пляж и купание в реке Кальмиус¹, днем – прогулки по улицам города. А вечером – умопомрачительная музыка, героини в дорогих платьях, неистовые аплодисменты публики. Труппа приняла меня как своего, чему способствовала правильная политика общения. Ни слова о созданных сценических образах („Слишком далек от искусства“). С мужчинами – разговоры о политике или спорте, с женщинами – о местных достопримечательностях. Кстати, одной из настоящих достопримечательностей Донецка была красота местных девушек. Она поражала и восхищала. Точно проказник Лель своей игрой на дудочке заманил сюда первых прелестниц со всего славянского мира. Куда бы ни зашел – глаза разбегаются!

Однажды, в театральном буфете я с жадным интересом осматривал его юных посетительниц. „Ого, какая!.. Стоит познакомиться... А еще лучше с той, что расплачивается с буфетчицей...“

Но тут все они были позабыты, потому что вошла та, от которой перехватило дыхание. „Так вот каково оно, истинное совершенство!“, – подумал я.

Волны черных волос незнакомки ниспадали до пояса, черты лица были настолько пропорциональны, что сам собой возникал вопрос: сколько экспериментировал Создатель, чтобы добиться подобного результата? Фигура изящна и грациозна, от самого обычного покачивания головы по коже пробегал мороз, а дополнительную изюминку придавал слегка вздернутый носик, который она иногда морщила. Случайно я поймал ее взгляд, в нем соединились чарующий магнетизм и необыкновенной остроты ум, уверенность в себе и строгость, даже суровость, сопряженная с непонятной грустью.

Именно эти глаза не позволили мне подойти к ней сразу. Самоуверенный до невозможности, я вдруг засомневался: понравлюсь ли богине? Да и держалась незнакомка несколько вызывающе. Руки по-мальчишески засунуты в карманы модных джинсов. Рядом с ней была подруга, высокая и немного нескладная, которая суетилась перед красавицей, как служанка перед госпожой. А еще в их компании была очень пожилая, несколько тучная дама, возможно, мать или даже бабушка одной из девушек.

¹ Кальмиус – река, протекающая по территории Донецкой области Украины. Река равнинного типа. Принадлежит к бассейну Азовского моря.

Нахлынувшая в буфет толпа помешала моему созерцанию незнакомки. Потом, перехватив бутербродов, все трое дружно покинули буфет. Я поспешил следом, ругая себя, что не решаюсь подойти, заговорить. Но... что-то упорно сдерживало.

Звонок, и это уже второй. Красавица со спутницами стали подниматься наверх. Ба! Они направились в ложу, куда я, как „сотрудник театра“, мог проходить бесплатно. Похоже, это судьба...

Погас свет, раздалась первые звуки оркестра, и только тогда я решился появиться в ложе.

Я сразу заметил ее. Она сидела в первом ряду, облокотившись на край ложи. Позади было свободное место, и я пристроился там.

Закончилась увертюра, промелькнули первые сцены, когда служанка Айзенштейнов Адель договаривается с влюбленным в ее хозяйку Розалинду Альфредом пропустить его вечером в дом, получая в обмен приглашение на бал-маскарад к князю Орловскому. Действие оперетты быстро развивалось, а я никак не решался привлечь внимание незнакомки. Наконец появилась Розалинда, это для меня был отличный шанс:

– Ее играет моя мама, – шепнул я девушке.

И действительно, после этих моих слов красавица обернулась.

– Да, да, она самая, – подтвердил я. – А меня зовут Андрей, я только что поступил в Московский институт международных отношений.

Теперь я заметил, что нахожусь под прицелом глаз не только красавицы, но и ее „свиты“...

Началась комическая сцена, где Генрих Айзенштейн вместе со своим другом Фальком пытаются повесить Розалинде на уши лапшу, мол, ее муж отправляется в тюрьму, хотя на самом деле они спешат на бал-маскарад. Я же вновь попытался завязать разговор с незнакомкой:

– С тем артистом, что играет Генриха, мы вчера пили...

Тут на меня зашипели соседи по ложе, пришлось замолкнуть до конца первого акта.

Зато, когда опустился занавес и вспыхнул свет, я запел соловьем.

– Обожаю оперетту, мой любимый жанр. А вам она нравится?

– Да, – просто ответила незнакомка.

– Я представился, а вы нет...

– Валерия. – Ее голос вдруг стал холодным и отчужденным.

– Приглашаю в буфет. И ваших подруг тоже.

– Нет, благодарю.

– Почему?!

– Мне... всем нам нужно в дамскую комнату.

– Это займет у вас немного времени, а потом...

– Увидимся здесь.

– Когда?

– В начале второго акта.

– А если приду раньше?

– Не стоит.

Долговязая подруга и пожилая женщина вдруг взглянули на меня со странной грустью. Я понял, что своей настойчивостью стану только раздражать их всех. Поэтому сделал приветственный взмах рукой и отправился в буфет.

Сказать, что Валерия мне понравилась, – не сказать ничего. Однако я чувствовал, что мешало ей продолжить знакомство. Причин могло быть две. Первая: я ей не приглянулся? „Нет!“ – сразу возразила моя самоуверенность. Вторая: у нее уже есть друг? Плевать, уведу! Правда, друг может быть сердитым и злым. Ничего, и я не робкого десятка. За свою любовь могу постоять.

„Как я сказал? Любовь? А ведь я, кажется, не на шутку влюбился!.. Глупости! Я на такое не способен!“

Однако более находиться в буфете я не мог, – и опять помчался в ложу. Валерии и ее свиты еще не было. В томительном ожидании заметался по коридору. Первый звонок сменился вторым. В голове пронеслась тревожная мысль: „Валерия ушла, поскольку не желает со мной встречаться? Но я не сделал ей ничего плохого!“

И все-таки она вернулась! Та же походка, так же спрятаны в карманах руки... Нет, на сей раз только одна рука – правая. Лево́й она расчесывала волосы, да так эффектно, что я невольно залюбовался игрой ее длинных тонких пальцев. Заметив меня, Валерия быстро убрала расческу:

– Опять вы?

– Но я же сказал, что приду сюда после первого акта.

– Сказали, – вздохнула она. И, не смотря больше в мою сторону, опустила на свое место.

Заиграла музыка, появился князь Орловский. Желая хоть как-то привлечь ее внимание, я сказал:

– Знаете ли вы, что изначально роль князя – женская? Не удивляйтесь, она была написана для женщины.

– Опять вы! Потихе... – раздалась рядом возмущенные голоса.

Нам упорно мешали объясниться. Я боялся, что этого объяснения не произойдет и после второго акта, и после третьего. Валерия уйдет, и я ее потеряю. Разве можно отыскать эту девушку в огромном Донцке, когда через несколько дней я должен буду уехать и у меня нет никаких сведений о ней! Одно только имя. Да и ее ли это имя? Вдруг оно выдуманно, чтобы отвязаться от надоедливого ухажера?

Может, отступить? Нет, я не мог!

Я тихо-тихо зашептал ей:

– Дайте мне всего минуту, чтобы объясниться.

Она замерла в раздумье, потом ответила:

– Хорошо.

– Но не здесь. Нам тут не дадут поговорить.

– Я пропущу арию.

– Всего **одну минуту!**

Она кивнула, жестом указала на дверь. Я вышел в коридор, через несколько секунд появилась Валерия.

– Так чего вы хотите?

– Быть вашим другом.

– Это невозможно.

– Почему?

– Не хотелось бы вдаваться в объяснения.

– Понимаю: у вас кто-то есть. Такая девушка не может быть одна... Но дайте шанс. Тысячную долю шанса...

Поскольку она опять молчала, я со всей силою вспыхнувшей страсти продолжил:

– Хотя бы стать вашим другом... Нужна ваша рука в знак того, что дружбу вы не отвергаете.

Валерия посмотрела как-то необычно: зловещие огоньки в ее глазах пронзали полотно отчаяния.

– Вам дать **правую руку?** – спросила она.

Не замечая подвоха в ее словах, я лишь кивнул и **ждал руки**. Я уже представлял, как пожму ее, а еще лучше – поцелую длинные пальцы.

– Раз вы так хотите...

Ее правая рука предстала перед моим взором. И тут... словно от землетрясения закачался весь театр. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять: ничего не рухнет, не слышно топота, криков бегущих от смерти людей, а по-прежнему звучит ария князя, которой восхищенно внимают зрители.

Кисть руки Валерии назвать таковой было нельзя. Это был какой-то обрубок с подобием ладони и тремя отростками, отдаленно напоминающими пальцы.

– Что это? – невольно вырвалось из меня.

– То, чего вы так добивались! – то ли торжествуя, то ли истерично вскричала Валерия.

Не помню, что я отвечал. Кажется, оправдывался за то, что надо срочно удалиться. Я блуждал по коридорам театра, не понимая: куда иду? Вновь звучала музыка Штрауса: Розалинда появилась на бале-маскараде в маске летучей мыши. Я стоял в дверях партера и слушал, как волшебный голос моей матери старается вырвать меня из страшных пут отчаяния. Но сделать это не удалось даже самому близкому человеку. Изуродованная кисть Валерии без конца маячила перед глазами, тянулась ко мне, пыталась... приласкать.

Мать не сдавалась, продолжала бороться с наваждением сына, ее голос создавал вокруг меня защитное поле, в которое все равно лезла и лезла страшная рука.

Я не выдержал, и опрометью выскочил из театра.

Оказавшись в своем гостиничном номере, я упал на кровать, закрыл глаза и ждал... Только чего? Что вся эта жуть постепенно сотрется из памяти? Но разрушенная стена иллюзий не хотела исчезать. Точно вихрь поднял оставшиеся после нее булыжники, которые пронеслись передо мной, нанося болезненные удары. Тело превратилось в сплошной синяк, невидимый для врачей, но так сильно ощущаемый мною. Как все несправедливо: изуродованный ангел! Ангел, которому я бы мог поклоняться...

Я даже подумывал о том, чтобы снова помчаться в театр. Вдруг спектакль еще не закончился и я найду ангела в ложе!

И тут призрак Валерии **погрозил** мне правой рукой! И сразу, будто паралич приковал меня к кровати.

Кто-то вошел в номер. Это был сосед, актер Эдик Кудрявцев. Он расхохотался:

– Молодежь уже дрыхнет?

– Спектакль закончился?

Игравший роль Фалька Эдик тяжело вздохнул:

– Да Работа сегодня была сложная. Публику сразу не заведешь. Пришлось попотеть.

Он вытащил из тумбочки бутылку коньяку:

– Составишь компанию?

– Нет, – судорожно ответил я.

– Как знаешь, – он со вздохом налил себе рюмочку. – Я тебя на сегодня покину. Одна настырная поклонница приглашает к себе. Не могу отказать очаровательной женщине. Не горюй, прошвырнись по ночному городу, найди себе также подружку. Надеюсь, маменька не станет проверять, чем занимается милый сыночек.

– Спасибо. Только я уже сегодня „нашел“.

Эдик внимательно взглянул на меня:

– Что-то случилось? Понятно. Поцапался с местными из-за крали. Радуйся, что так. Настанет время, и ты поругаешься с кем-нибудь уже по другой причине. Он тебе скажет: „Бери ее себе“, а ты: „Нет уж, уволь от такого счастья“. Так что не переживай, дружище. Слушай во всем старшего товарища.

Эдик мне откровенно нравился: веселый, беззаботный и одновременно рассудительный. Такому можно довериться. Поэтому я кратко рассказал обо всем, что случилось в театре. Я ждал понимания, сочувствия, однако он лишь равнодушно пожал плечами:

– Сейчас пластическая хирургия на высоте. Твоей зазнобе можно сделать операцию. Хотя до полного совершенства, скорее всего, не дойдет.

Эдик посмотрел на полную рюмку, залпом осушил ее. И продолжил:

– Не огорчайся. В жизни бывает всякое. И девчонка тебе попадется не менее красивая, только уже без уродства.

– Может быть, – грустно произнес я.

– Что значит „может быть“? Вся жизнь впереди. Я тебе завидую. И перестань сидеть с таким лицом, точно встретил ту самую ведьму с изуродованной рукой по кличке Чаровница.

– Кого?

– Не слышал местное предание?... Давным-давно в этих краях жил помещик. Влюбился он в одну простую крестьянскую девушку. Влюбился, как ты сейчас – до умопомрачения. А жена его была слишком ревнива. Она со своей челядью подловила подружку мужа в лесу и поиздевалась над ней досыта. То ли изуродовали, то обрубили кисть правой руки. Однако бедняжка выжила. Правда, ее ухажер хоть и посочувствовал ей, но отрекся. Зачем ему изуродованная...

Но бабка той девушки была колдуньей. Она передала внучке черную магию зла и разрушений. И явилась внучка ночью в поместье своих обидчиков, и запылало там все – дом, пристройки к нему, конюшня. Люди кричали, спасаясь от пожара, да только убежать от огня не могли. Лошади в предсмертных муках дико ржали! Сам помещик с обгоревшим лицом все-таки сумел выбраться из полыхающего ада. И тут увидел свою бывшую любовь. Он понял, что все это **сделали она и бабка-ведьма!**

– Там мои детки! – рыдал он. – За что погибли они? Зачем ты такое сотворила со мной? Ведь не я же виновник твоего несчастья! Знаешь, как ты была мила мне!

– **Ты отрекся от меня!** – ответила девушка. – Такова расплата!

Огонь, будто вылетевший из пасти неведомого чудовища, вновь набросился на помещика. Перед смертью он успел крикнуть:

– Так будь же ты проклята, Валерия!

– Как ты сказал, ее зовут? – поразился я. – Валерия?

– Кажется, мне назвали это имя. А что?

Я не стал распространяться о поразительном совпадении. А Эдик продолжил:

– Говорят, появление ведьмы с клешней вместо руки приводит общество к страшным потрясениям. Старики уверяют, будто видели ее перед революцией и Второй мировой войной. Вообще встреча с ней к хорошему не приводит.

Эдик пригубил еще одну рюмашку и закончил:

– Вот такая страшная легенда. Отвлек тебя от мыслей о несчастной девочке?... Пока нет? Ладно, поспи. А я – в гости. Да, по пути предупрежу твою матушку, чтобы сегодня тебя не беспокоила. Захочешь забыться – лечебный напиток (коньячок, водочка) всегда к твоим услугам. Закрывай дверь и спи...»

Павла все-таки отвлекли. Одному больному стало плохо, пришлось сделать укол и дать ему снотворное. Врач еле дождался, когда вернется к себе в ординаторскую и продолжит чтение.

И вот он снова погрузился в мысли и чувства Андрея Фирсова.

3

После нескольких безрезультатных попыток борьбы с собой я все же решил прибегнуть к «лечебному напитку». Огненная влага пробежала по организму, и я постепенно расслабился, закрыл глаза, постарался уснуть. Сначала не помогал даже коньяк, но потом я куда-то провалился. Между мной и остальным миром возникло временное отчуждение.

Еще в детстве я слышал от родных, что моя впечатлительность заведет меня далеко. Следовало расчетливым умом оценить ситуацию. Итак, что произошло?

Я снова открыл глаза и ответил себе: «Ничего!»

Мое сердце покорила девушка. И что? Мало ли кто мне нравился и понравится еще.

У нее изувечена рука... Разве подобные случаи такая уж редкость? У наших соседей по лестничной клетке была более кошмарная ситуация. Старшего сына Ивана призвали на войну в Афганистан. Он вернулся с грудью полной орденов, но... без ног. А я помню, как в свое время Иван крутился во дворе на турнике, как летом гонял мяч, а зимой шайбу. Как учил меня основам карате. Он был для меня спортивным божеством, за которым следует тянуться. Я завистливо наблюдал, как он прогуливается вечерами с классными девочками. Мечтал быть на его месте! И вдруг... передо мной постаревший лет на десять седой калека. Во взгляде – злость и страдание. А еще... зависть. Зависть к тому, кто раньше преклонялся перед ним.

– Здравствуй, Ваня, – пролепетал я.

Он не ответил, покатил дальше. Я не выдержал, закричал:

– **Чем я могу тебе помочь?!**

Он остановился, повернул голову:

– Верни мне ноги... Не можешь! Тогда хотя бы накажи тех, кто сотворил такое: послал меня на бессмысленную бойню!

Увы, этого я тоже сделать был не в силах.

Так что несчастных людей много...

А как же совпадение имен? Валерией звали и ту ведьму, и девушку в театре. Тут искать какую-либо связь вообще абсурдно. Мало ли тезок?

Слово «абсурдно» я повторил несколько раз, надеясь добиться полного успокоения...

В голове вдруг зазвучала ария Розалинды. Мама меня предупреждает...

Помимо воли бредовые мысли продолжали терзать мою голову. И как от них избавиться?

Но постепенно проклятые воспоминания меркли; комната все больше напоминала склеп. Город окончательно «умер» в объятиях ночи. И теперь эта ночная мгла должна была забрать меня на несколько часов спасительного отдыха...

И вдруг... странные звуки. Раздавались они... в моей комнате. Почти сразу я понял, что этот легкий шум – от поворота ключа. Я даже обрадовался: Эдик! Он все-таки вернулся от своей подруги. Я буду в номере не один.

Скрипнула открывающаяся дверь. Но вошедший остановился у порога и не желал двигаться дальше. Почему Эдик не проходит?

– Эдик! – позвал его я. – Чего застыл у порога?

Однако никто не отвечал. Нешуточный страх пронзил меня насквозь. Я уже не был уверен, что это мой сосед-актер.

– Кто здесь? – воскликнул я.

Ответа снова не последовало. Но **ведь кто-то в номере есть!** Я быстро зажег свет.

У двери стояла девушка, которую я видел раньше, высокая спутница Валерии.

– Как вы?!.. – от волнения я не смог закончить вопрос.

В ее молчании было что-то загадочное. Она жестом приказала одеться и проследовать за ней. Не знаю почему, но я... подчинился.

Быстро нацепил рубашку и джинсы, потом обернулся к своей ночной гостье, однако она... исчезла. Не привиделось ли мне все это?

Я осторожно приблизился к двери, подергал ее. Не заперта?! Гостья заходила!

Или... это я, ложась спать, забыл закрыть дверь?... А ведь Эдик предупреждал об этом.

Так я закрыл ее или?...

Но я же слышал звук поворачивающегося ключа!..

Действительно слышал?!

Желание во всем разобраться заглушило страх. Я вышел в коридор, быстро спустился по лестнице. Вестибюль первого этажа напоминал царство покоя. Из посетителей никого, лишь администратор дремала на своем рабочем месте. И тут я вновь заметил фигуру высокой подруги Валерии. Она была на улице, снова кивком позвала за собой.

Администратор открыла глаза:

– Решили прогуляться?

– Да.

– Не поздновато ли для прогулок? Ночью у нас опасно.

– Понимаю, но... меня зовут. Надо поговорить вон с той девушкой...

– Раз зовут... даме отказывать нельзя, – зевнула администратор.

Не дослушав ее, выскочил на улицу. Подруга Валерии переходила дорогу, направляясь в сквер, что напротив гостиницы.

– Подождите! – закричал я, однако она не отреагировала. И только (как мне показалось) ускорила шаг.

Я перебежал дорогу и оказался в сквере. Днем он мне так понравился: деревья приветливо шумели, посетители мило переговаривались на скамейках возле фонтанов. Сейчас здесь царило холодное мрачное отчуждение. А шуршание листвы казалось уже другим – неприятным, подозрительным.

Я огляделся. Девушка исчезла, как призрак древнего замка при попытке любопытных туристов коснуться его. Я не сдавался, с маниакальным упорством стал обходить каждое дерево, заглядывать под каждую скамейку.

Внезапно я услышал позади себя смех – обидный, неприятный. Даже не оборачиваясь, я знал, кто поджидает меня здесь.

Легкий свет фонаря позволил рассмотреть ее лицо. Валерия была все так же прекрасна. Но... что-то изменилось в ней. Улыбка уже не чарующая, а злорадная. Возможно, она поняла, что я подозреваю в ней **ту самую ведьму**, и не желала более скрываться.

– Зачем ты позвала меня? – Я сам не узнавал свой дрожащий голос.

– Еще не понял? Я пришла не только к тебе. Мое появление предвещает хаос и страдания. Пройдет не так много времени, и этот благополучный край взорвется. От прежнего великолепия останутся руины... И никакой безмятежной жизни ждать уже не придется.

– И ты говоришь об этом так... просто?

– Конечно. Моей вины в данном случае нет. Я только **предвестник катастроф**. Но наступают они из-за людей.

Сначала после этих жутких пророчеств на меня напало оцепенение. Но тут я подумал о прекрасных ландшафтах Донецка, о высоких заработках горняков, о царящей вокруг атмосфере спокойствия. И сразу захотелось крикнуть: «Ты врешь!». Валерия покачала головой:

– Немого усилий – и видимая красота превратится в уродство, а покой – в нескончаемую безумную войну. Любое совершенство легко испортить. Взгляни-ка еще раз на мою изуродованную руку...

Я вздрогнул, отступил на шаг. Слова застревали в горле, но все-таки я вступил с ней в диалог.

– Ты врешь, когда говоришь о своей непричастности к людским трагедиям. Я слышал легенду и знаю, с чего все началось. Была ли твоя месть соразмерна? Сгорела усадьба! Чем провинились дети?

Валерия рассмеялась:

– Легенда врет, как врут почти все легенды. Я ничего не поджигала. Тот барин был слишком недобрый, и крестьяне восстали. Они виновники смерти господ. Кстати, в округе его хозяйство считалось образцовым. Так что чаще всего «совершенство» – обычный миф.

– Крестьяне сожгли?... А ты?...

– Я случайно оказалась там, и барин решил, что в трагедии виновата магия моей бабушки. Я его не разубеждала. Уж очень хотелось мести!.. Однако с тех пор я получила второе наказание: я уже не несчастная девушка, я стала олицетворением зла, духом разрушения. Вечность моего бытия превратилась в самое жуткое проклятье. Что ж, у каждого в этой жизни своя роль. Моя роль – ведьмы.

Я перекрестился, только это не испугало Валерию. Она невозмутимо продолжала:

– Лишь единицам удается распознать ту, что скрывается под личиной простой, обиженной судьбой девчонки. Среди них – ты... Ты все **понял**, точнее, **почувствовал**. И теперь перед чередой страшных событий **обязательно увидишь меня**. Но только ты и никто более... У тебя появится возможность предупредить своих соотечественников о скорых несчастьях. Но не рассчитывай, что они поверят и ты станешь пророком.

– Смотря как предупредишь!

– Попробуй. Может, от твоих доводов их разум возобладает над порочными страстями?

И Валерия вновь рассмеялась, да так жутко! Рядом с ней появились две ее неизменные спутницы. Пожилая сказала:

– Нам пора.

– Да, бабушка, – ответила Валерия. И обратилась к высокой: – Ты готова, сестра?

Та кивнула. Женщины взялись за руки, и в тот же миг перед моими глазами все завертелось, закружилось. Мне показалось, что Валерия и ее окружение... плясали. Плясали своеобразно: с каждым движением они все выше и выше вздымались в воздух. И вот они парили надо мной, точно громадные хищные птицы.

– Летим отсюда! – крикнула Валерия.

Она пронеслась совсем рядом. И вдруг, объятая сатанинским весельем, ударила меня по голове своей изуродованной рукой. Удар оказался такой силы, что перед глазами все погасло...

Я очнулся от резкого запаха. Надо мной склонились несколько человек. Мужчина в милицмейской форме поинтересовался у женщины-врача:

– Как он?

Врач спросила, нет ли у меня тошноты, головокружения, проверила зрачки. Потом сообщила:

– Думаю, легкое сотрясение мозга у него есть.

– А где они?... – пробормотал я.

– Те, кто на вас напал? – сказал милиционер. – Их поймали. Мы давно следили за ними.

И вот теперь, что называется, взяли с поличным.

– Я имел в виду тех трех ведьм.

– Трех ведьм?

– Ну, да. Чаровница и ее... Одна из них и ударила меня.

– Ему обязательно надо в больницу, – произнесла врач.

Несколько дней мне пришлось провести в больничной палате. Милиционеры «точно рассказали», как было дело. О сквере, куда я зашел, ходила дурная слава. Там нередко случались грабежи. И то, что произошло со мной, было в порядке вещей.

– Прочитайте признания тех, кто на вас напали, – сказал капитан.

Один из преступников сообщил, что они устроили в сквере небольшую попойку. Вдруг заметили парня и решили «почистить» его карманы. На вид парень показался крепким, поэтому напрямую напасть не решились, а подошли незаметно и оглушили его. Да, нападение было. Но не грабеж. У жертвы при себе оказалось меньше пятидесяти копеек.

А потом их окружили представители органов.

Но кое-что в рассказе преступника заинтересовало меня по-настоящему.

«Парень тот вел себя странно. Кружил взад-вперед по одному и тому же месту, с кем-то беседовал, хотя никого поблизости не было».

Я задумался: «Итак, бандиты утверждают, что я был в сквере один. В самом деле, не привиделась ли мне эта чертовщина с ведьмами?... Но уж слишком реальными казались Валерия и две ее спутницы... Я **говорил с ними!** И пусть сто человек утверждают обратное, я сто раз повторю: **говорил!**»

Посетителей у меня в палате было хоть отбавляй. И не только мама, но и добрая половина театра. Особенно был важен разговор с Эдиком, я напомнил о рассказанной им легенде.

– Какой легенде? – наморщил он лоб. – Ах, про ведьму с изуродованной рукой?

– Да, про Чаровницу. Откуда ты о ней узнал?

– Ее пересказал старик в местной пивной. Он развлекал посетителей байками, а они за это ему наливали по кружечке. Забудь! Лучше послушай о моей новой театральной находке. Помнишь, в «Летучей мыши», обманывая жену, Генрих называет собаку Эммой, а потом приходит Фальк и восклицает: «Бедный Гектор, я так его любил»? Так вот позже, на балу у князя, я забываюсь и называю Генриха «Гектор». Публика умирает от хохота...

После разговора с Эдиком я стал меньше верить в существование ведьмы Валерии. Поправлялся я быстро. Когда давал показания в милиции, то ни словом не обмолвился о моем ночном кошмаре. Сказал, что не спалось, решил погулять в парке. И... погулял.

Постепенно тот странный случай вспоминался все реже и реже, и, наконец, вовсе стерся из памяти. Даже последующие катастрофические события перестройки, а потом и войну на Донбассе я не желал хоть каким-то образом связывать с грозным предупреждением ведьмы с клешней вместо руки. Мистика и реальная жизнь – вещи несовместимые.

Валерия исчезла из моего сознания, как вызванный стрессом нелепый сон...»

Врач с волнением перелистнул страницу, понимая, что главное впереди. И он не ошибся. «...Теперь я перехожу к недавним событиям, из-за которых я оказался в лечебнице.

Как вы знаете, они произошли девятнадцатого июля. Но уже вечером восемнадцатого меня охватила непонятная тревога. Я долго не мог заснуть, крутился на постели как волчок, воздух казался душным и спертым. Когда моя жена Маша недовольно заворчала, я ушел от нее на диван.

Нет, сон по-прежнему не шел ко мне, хоть принимай снотворное. Голова разбухла от дум: в одно целое соединились и личные проблемы, и мировые. Я размышлял о непростых отношениях с издателями, о падении доходов – и своих, и жены. Так, под нескончаемую симфонию лжи о процветании нации, мы быстро докатимся до нищеты. А тут еще постоянные военные конфликты, в которые мы пытаемся сунуть нос... Добром это не кончится!

И вдруг я подумал, что нужно заглянуть в корень проблемы. Идет новая технологическая революция, люди станут не нужны, в отличие от ресурсов, которыми они обладают. Но тогда... в самой сути ничего хорошего ждать не приходится. Под благовидным предлогом уничтожат целые страны и континенты...

Меня бросило в дрожь. Я пошел на кухню, накапал тридцать капель валокордина. Выпил. И только после этого немного успокоился и задремал.

Ранним утром меня разбудили. Приехала моя дочь Анфиса. Она была в истерике, поскольку „навсегда поссорилась с мужем“. И тогда Маша предложила отправиться на дачу, развеяться несколько дней на природе.

Вырвавшись из московских пробок, мы ехали по относительно спокойной трассе. Я сидел на заднем сиденье, закрыв глаза и опять думая о своем. Анфиса подбирала музыку и вскоре воскликнула:

– Как раз для тебя, папа.

Это был Штраус, его знаменитая „Летучая мышь“. Звучала ария Розалинды, голос певицы так сильно напоминал голос покойной матери, что меня будто током ударило: уж не она ли явилась с того света, чтобы ободрить сына своим хрустальным голосом?! Или... о чем-то предупредить?

Все как тогда – в Донецке. Будто не было между этими событиями перерыва в несколько десятков лет!.. И тут, словно из бездны, встала Чаровница с клешней вместо правой кисти!

Я был уверен, что она навсегда покинула мою жизнь и сознание. Так почему снова **вижу ее?**...

Валерия стояла посреди дороги, не обращая внимания на мчащуюся прямо на нее машину. А что же моя жена?... Она будто бы ничего не видела. Казалось, столкновения не избежать...

– Стой! – невольно закричал я, а затем, перегнувшись через сиденье, вцепился в руль.

Автомобиль занесло, Маша еле успела затормозить. Но с трассы мы все равно съехали и врезались в дерево.

– С ума сошел?! – кричали Маша и Анфиса.

– Но там же... женщина!

– Какая женщина?! – еще более разъярилась Маша. – Ты пьян?!

Мы вылезли из машины. К счастью, никто не пострадал, но капот помяло хорошо.

– Влетит в копеечку! – не прекращала бесноваться жена. – Платить будешь из своих гонораров!

Я не ответил, поскольку опять... заметил Валерию. Похоже, только я один здесь **вижу ее**.

Сразу вспомнилось пророчество о том, **когда мы с ней снова встретимся**... И сегодня жизнь – не сахар Но, выходит, что все это лишь прелюдия к чему-то более страшному?!

„Предупредить всех! Предупредить!“

Но вновь, как проклятие, звучит ее голос: „...не рассчитывай, что они поверят и ты станешь пророком“.

Что же получается: молчать нельзя, а говорить бесполезно?!

Мне еще никогда не было так жутко. В каком мире я живу? Мире, который блуждает в полном мраке и скатывается в сумеречное царство антихриста?... Бежать, бежать!

– Куда? – беззвучно спросила ведьма. – Все дороги соединяются в одну. Но это, увы, не Рим².

Лес зашумел, деревья казались временным убежищем от апокалипсиса. Временное убежище... Смешно! Однако я поддался иллюзии спасения и ринулся в чащу. Я убеждал себя, что в полной глуши, среди деревьев, пней и сорной травы, не встречу ведьму с изуродованной рукой.

Однако очень скоро осознал свою наивность. Впереди, у развесистого дуба раздался знакомый язвительный смех, и навстречу мне вышла Чаровница, протягивая свою страшную правую руку.

– Я твоя судьба, – сказала она...»

² Имеется в виду известное выражение «Все дороги ведут в Рим». – Прим. авт.

4

Окончив чтение, врач некоторое время был в растерянности. Или Фирсов написал блестящее фантастическое произведение, или он действительно бредит? И тогда его правильно держат в лечебнице.

Однако этот бред терзал сознание и выматывал душу. Когда в коридоре послышались шаги, Павел чуть не закричал, не позвал на помощь. Ему вдруг представилось, что это приближается **та самая Чаровница**.

Вошла медсестра Зиночка с каким-то срочным вопросом. У Павла отлегло от сердца. Он вспомнил предупреждение своих родителей, тоже психиатров, о том, как сложно работать здесь. «Главное, сынок, чтобы страхи твоих пациентов не вселились и в тебя».

Да, да, нельзя давать волю страхам овладеть собой. Любимый писатель превратился в обычного больного со слишком буйной фантазией. Бывает...

Павел успокоился, даже вздремнул, хотя сон оказался недолгим: к утру у некоторых больных опять начались проблемы.

Елена Петровна смотрела на него снисходительно и немного сочувственно:

– Дежурство выдалось сложным?

– Были проблемы.

– Вид у вас усталый. Ничего, сейчас пойдете домой, отдохнете. Кстати, с вашим писателем беседовали?

– Да.

– И?...

– Пока конкретного вывода не делаю. Возможно, вы правы, он серьезно болен.

– Я вам говорила, – ухмыльнулась заведующая отделением.

Павел вышел на улицу, немного постоял, вдохнул полной грудью. Даже этот загазованный московский воздух казался ему воздухом свободы. Слишком уж тяжело в больнице.

Он вспомнил, что следует зайти в универсам за продуктами. Брал, как обычно, самое необходимое; и опять задумался над прочитанной рукописью Фирсова.

«А если только предположить, что Андрей Николаевич и впрямь повстречал ведьму с изуродованной рукой? Но никто, кроме него, ее не видел. И что? Писателям открывается многое, они предсказывают судьбы своих народов на столетия вперед. Вон Пушкин и его „Пророк“. Но если так... неужели Россию вновь ждут испытания? Не довольно ли их?»

Он глянул через стеклянную витрину универсама. Перед входом на ступеньках согнулась нищенка, униженно прося подаяния. А мимо пролетел «Лексус», откуда высунулось скуластое, горбоносое лицо. И Павел только вздохнул: «Не могут остановиться, безумные!»

Фирсов сказал главное: скоро люди станут не нужны, и тогда под благовидным предлогом **уничтожат целые страны и континенты**...

Внезапно Павел заметил девушку такой красоты и обаяния, что ноги сами понесли его к ней. Он настиг ее в очереди у кассы. Незнакомка выкладывала из тележки продукты, и Павел решил осторожно завязать знакомство:

– Разрешите, помогу вам?

– Спасибо, – ответила она. – А то мне самой трудно.

– Трудно?

– Да вот, взгляните...

И она вытянула вперед правую руку – искалеченную, с подобием ладони и сросшимися пальцами. Павел отпрянул, а девушка растянула губы в зловещей улыбке:

– Да, я уже здесь!

Часть первая

Глава первая

1

За столом одного из небольших московских баров собрались четверо: женщина и трое мужчин. Сидели они в углу, вдалеке от чужих ушей, хотя заведение было почти пустым, да и к разговору их никто не прислушивался. Тем не менее профессиональная предосторожность соблюдалась четко. Все они работали в следственном комитете, дело, которым занимались, поражало как жестокостью, так и отсутствием перспектив поймать преступника. Он появлялся, словно из преисподней, убивал жертву ударом ножа в шею, затем кромсал тело и исчезал. Не видимый ни одним свидетелем, не зафиксированный ни одной камерой, он не оставлял даже косвенных улик. И еще: после каждого зверского убийства на стене появлялась корявая, написанная кровью жертвы, надпись: «Чаровница».

Следователи старались выяснить, что это за страшное послание. Оказалось, что не так давно интернет-сообщество буквально взорвала небольшая повесть «Чаровница». Какая здесь может быть связь?

Героиня повести – ведьма, появление которой несет разрушение окружающему миру. Она беспощадна к людям, ибо мстит за свою изуродованную правую руку. Но неужели кто-то решился сыграть роль зловещего персонажа в реальной жизни?

О самих убитых: известный актер, удачливый предприниматель, популярная манекенщица, крупный чиновник столичного департамента. На роль жертв подбирались люди значимые. Информация о расправе над ними мгновенно распространялась, тут же обрастала легендами и «поразительными фактами». Если и дальше так пойдет, то столицу, словно океанские волны, накроют слухи о **реальном появлении** в Москве мистической ведьмы-убийцы. А затем? Паника и хаос?

Бригада следователей работала на износ, но, увы!.. Естественно, настроение было паршивым.

Следователи обсуждали сегодняшнюю встречу с автором «Чаровницы». Беседовал с ним самый старший из четверки – майор юстиции Андрей Смирнов. Он дружески поприветствовал писателя, только на того это не подействовало. Во взгляде «гостя» чередовались недоумение и надменность.

– Проходите, Александр Павлович, – сказал следователь, приглаживая свои черные усы. – Присаживайтесь.

Владимиров сел напротив майора, с вызовом спросил:

– Надеюсь, мне не придется приглашать адвоката?

– Помилуйте, никто ни в чем вас не обвиняет. Знаете, почему я попросил вас зайти?

– Нет.

– В Москве произошла серия убийств...

– Какое отношение к этому имею я?

– Вы не в курсе?

– Не в курсе чего?

– После каждой своей кровавой расправы преступник оставляет на стене надпись «Чаровница»...

– Так называется моя последняя повесть.

– Поэтому и хочу спросить: что вы об этом думаете?

– В данном случае думать – ваша прерогатива, – едко заметил писатель. – Да, какие-то слухи доходили... Кстати, это может быть обычным совпадением.

– Боюсь, нет.

– Вы меня подозреваете?!

– Помилуй Бог! Вы можете просто встать и уйти отсюда. Мы просим вас помочь. Чисто по-человечески.

Владимиров что-то недовольно пробурчал, тогда Смирнов решился на маленькую хитрость:

– А какая это будет для вас реалама! Только послушайте: писатель Владимиров способствовал следствию в поимке опасного маньяка!

– В самом деле... По-моему, подобного не было ни у Стивена Кинга, ни у Дина Кунца. Что ж, давайте, спрашивайте, спрашивайте!

– У вас наверняка масса почитателей?

– Конечно!

– И почта переполнена?

– Да! Они мне пишут...

– А нет ли среди них особо надоедливых?

– И такие встречаются. Особенно дамы.

– А о чем они вам пишут?

Владимиров развел руками, мол, о чем можно писать человеку с недостигаемого Олимпа. Только восхищаться им.

– Я более четко сформулирую вопрос: попадались ли такие, кто готов сделать жизнь ваших героев частью своей жизни? То есть они живут не собственными страстями, а страстями совершенно других людей.

– Каждый писатель мечтает о таком.

– Вы могли бы мне их назвать?

– Я редко запоминаю имена... Тем более часто они вымышленные.

– А вы записи поклонников сохраняете?

– Многие – да. Почти все... Разную ругань, конечно, удаляю.

– Жаль. Ну, да ладно... Не станете возражать, если я с ними ознакомлюсь?

– Нет! – усмехнулся Александр, давая понять, что ему хорошо известно, что в сегодняшних условиях можно и без разрешения проникнуть в любой компьютер. – Только... я не понимаю, почему именно «Чаровница»? Это всего лишь философская сказка. Ведьма реальна? Или она – порождение воспаленного мозга? Но даже если поверить в ее реальность, вспомните, что она сама говорит: «Я ничего не поджигала. Тот барин был слишком недобрый, и крестьяне восстали...»

– Однако кто-то мог понять ваше произведение по-иному: **ведьма несет разрушение**. И убийца «слился» с ней, ощутив себя частью этой разрушительной силы.

– Так он тебе ничего путного не сказал? – спросил у Андрея Игорь, его однокурсник по учебе в университете, а теперь коллега по работе в следственном комитете.

– Похоже, он ничего не знает. Правда, он пообещал присмотреться к некоторым своим знакомым. И если кто-то покажется подозрительным, сообщить мне. Но, боюсь, затея пустая. Писатель Владимиров видит и слышит только себя.

– Поразительно! – вступила в разговор самая молодая из следователей, капитан Вероника Борецкая.

– Что поразительно? – переспросил Смирнов.

– Я зачитываюсь его книгами, поэтому представляла Александра Павловича несколько иным. Я его встретила в коридоре, он шел к тебе, Андрей. Я поздоровалась, однако... он даже не взглянул на ничтожную девочку-капитана.

– Крушение юношеских иллюзий, – усмехнулся сидевший рядом с ней маленький круглолицый Григорий.

– Да, Вероника, он самовлюбленный зазнайка, – подтвердил повидавший людей Смирнов.

– Эх, покатишься с небосклона звезда, – пропел Григорий, но Борецкая его резко тормознула:

– Меня не интересуют его личные качества. Его творчество захватывает, возбуждает. Это не только мое мнение, но и многих знакомых.

– Так, может, это ты, начитавшись его романов, превратилась в нашего убийцу? – иронично полюбопытствовал Григорий.

– Не забывай, Вероника – чемпион по боевым единоборствам, – на всякий случай напомнил Андрей.

– Угрозы следователю?!

– Так ведь на то есть причины – беспочвенное обвинение. Мы свидетели, – Игорь попробовал пошутить, но не получилось. В отличие от Григория этот малоразговорчивый и меланхоличный человек юмором не обладал. Да и главное не в этом: не до веселья сейчас.

– Давайте все-таки представим возможный облик преступника, – предложил Смирнов. – Это мужчина или женщина?

– Женщина, – заявил Григорий. – Только они могут быть такими кровожадными.

– Прекрати свою дурь! – не выдержал Андрей. – А если ты действительно так считаешь, то почему?

– Чаровница – женщина. Предполагаю, что некая дама, возможно, с физическими недостатками, слишком рьяно вошла в образ. А выйти из него не может.

– Не согласен, – возразил Игорь. – Здесь «подделка» под Чаровницу, игра, цель которой – повести нас по ложному следу. Настоящая задача убийцы – иная. Терроризм?... Преступник, судя по всему, силен физически. Женщины более слабые существа.

– Особенно такие, как наша Вероника, – подмигнул Григорий.

– Или он не один? Орудует целая группа, – добавил Игорь. – Как в свое время «Черная кошка».

– Те грабили, а сегодняшние нет, – задумчиво произнес Андрей.

– Вы все в этом уверены?

– Никто из родственников убитых не заявлял, что пропали какие-то драгоценности, уникальные вещи. Кроме того, пока улики не подтверждают, что действовали несколько человек. Я склоняюсь к тому, что это одиночка. Не знаю, мужчина или женщина, но профессионал! И очень высокого класса. А что ты думаешь, Вероника?

– Ничего.

– Как?! Ни одной мысли в такой прелестной головке? – поразился Григорий. – Так нельзя. Вон Андрей Викторович уже поседел от дум. Игорек тоже, теперь он у нас не прежний мальчик-херувимчик.

– Как же ты надоел! – вздохнул Игорь.

– Ребята, мы работаем уже не по двадцать часов в день, а больше, – ответил Григорий. – Давайте дадим перерыв мозгам. Какой у нас изначально был план? Зайти сюда, развеяться. Но мы опять о делах... А завтра единственный выходной.

– Значится так, – попытокнул Андрей. – Действительно дадим небольшой перерыв мозгам. Но чтобы к понедельнику каждый явился со своей обоснованной версией. Мне надо идти к руководству. А что я доложу?

Ужин закончился. Григорий сделал звонок очередной пассии и поспешил к машине. Потом исчез Игорь. Андрей и Вероника остались вдвоем.

– Нашел чего-нибудь интересное в тех комментариях к книгам Владимирова? – спросила Борецкая.

– Пока нет. Но я их просматриваю, анализирую... А ты не высказала свое мнение по поводу личности убийцы.

Вероника посмотрела куда-то вдаль и сказала:

– Предполагаю, это женщина.

– На чем основано предположение?

– Я не могу объяснить.

– Интуиция следователя?

– Да. И еще я чувствую, что мне придется с ней встретиться лицом к лицу.

– Всем нам придется.

Андрей осторожно взял ее за руку:

– Ты устала... Хочешь, поедem ко мне?

– Извини, но нет.

– Вероника... Тебе нужна семья, муж, который станет тебя любить, даже боготворить.

Нужны дети, наконец...

– Не начинай!

– Ты говорила, что сегодня без машины... Давай хотя бы довезу до дома.

– Не надо. Хочу прогуляться по вечерней Москве.

– Холодно для прогулок. И вон какой ветер.

– У меня теплая куртка.

– К ночи столица становится опасной.

– Не старайся, Андрей, – улыбнулась Вероника. – До понедельника.

И опять Смирнов понял, что ему не удержать ее.

Вероника шла наобум, без какой-либо цели, сворачивала с шумных улиц в небольшие переулки, затем вновь выходила на проспекты. Она потеряла счет времени, все, что окружало ее, было просто антуражем – иногда красивым, иногда невзрачным. Мысли Вероники занимал один лишь кровавый маньяк. И в который уже раз кто-то невидимый пробрался внутрь ее и шептал: «Это – **женщина**. И ты с ней **скоро встретишься!**»

Постепенно шепот вытеснил все остальное. Вероника бродила по мертвым, точно пораженным эпидемией, улицам, хотя рядом бушевала обычная жизнь. Но жизнь эта так далека от капитана юстиции Вероники Борецкой. Девушка была витязем, шагающим по неведомой дороге в поисках неизвестного врага. Враг уже **вышел навстречу**. Только где он?! Проклятое забрало скрывает его лицо.

«Где ты? Где?» – шептали губы Вероники. И в ответ она услышала:

– Ближе, чем ты думаешь.

Послышались какие-то голоса, на сей раз реальные. Неизвестный бесцеремонно тронул Веронику за локоть. Хриплый голос произнес:

– Девушка... Куда идешь?

– Пошел вон! – механически ответила Вероника.

– Нэхорошо грубить...

Их было четверо: низкорослых, со скалящимися зубами, каждый со свисающим над губой хищным носом в виде шестерки. Девушка сделала все, чтобы избежать столкновения:

– Ребята, идите своим путем.

– Бэз тэбя? Никогда! – сказал один, самый наглый. – Пойдошь с нами. А иначе...

– Что иначе?

– Плохо будэт.

Южанин резко дернул ее. Вероника решила их не шадить. Когда-то же надо приучить их вести себя нормально на русской земле.

Последовал удар ногой в лицо. Южанин рухнул на асфальт, то ли стонал, то ли выплевывал зубы. Второй дернулся за первым и точно так же был нокаутирован. Оставались еще двое. Однако один тут же убежал, а последний выхватил нож, замахнулся. Вероника выбила оружие, взяла руку на излом.

– Пусти! Пожалуста... я болшэ нэ буду! – завыл от боли и страха незадачливый хулиган.

Вероника думала: сломать ему руку или нет? Все-таки она не стала калечить подонка.

– Чтобы я вас больше здесь не видела!

Она двинулась дальше, но теперь вышла из своего закрытого пространства и внимательно смотрела по сторонам. И скоро заметила следующий за ней «Мерседес».

«Кто? Почему?» – вопросы, которые напрашивались сами собой.

Вероника ускорила шаг, но и преследующая машина не отставала. Следователь уже думала остановиться, потребовать объяснений, однако дверца автомобиля открылась и послышалось:

– Девушка, подождите!

Вышла женщина, ухоженная и богато одетая; она быстро направилась к Веронике. Следователь напряглась, даже коснулась своего оружия. Но вид у незнакомки был миролюбивый.

– Простите, – сказала женщина. – Я видела, как вы расправились с теми... негодьями.

Класс!

Она говорила с легким иностранным акцентом, что еще более запутывало ситуацию.

– Вот моя визитная карточка.

– Баронесса Беатрис фон Доллинген, представитель компании «Мерседес», – прочитала Вероника. – Простите, мне ваше имя незнакомо.

– Неважно.

– Неважно?

– Разрешите, я отпущу машину?

– Зачем?

– Мечтаю прогуляться по ночной Москве. Одна опасаясь. А рядом с вами ничего не страшно.

Немного оторопевшая Вероника растерялась, а баронесса кивнула шоферу, чтобы уезжал.

– Я из Германии, точнее из Швабии. Сейчас вот в России... У нас намечается серьезный контракт с вашим правительством.

– Рада за вас. Только... вы зря отпустили машину. Мое прогулочное время закончилось.

– Не бросите же вы несчастную женщину одну, безо всякой защиты? – Красивое лицо баронессы исказила наигранная гримаса скорби.

– Где вы остановились?

– Мой дом – в Конном переулке.

– Хорошо, я провожу вас. Это не далеко отсюда.

Город переливался тысячами огней. Казалось, кто-то специально включил все электричество мира, чтобы сделать ночь продолжением дня и любой человек мог полюбоваться красотой находящихся повсюду и шедевров архитектуры, и зданий попроще. Увенчанная золотой гривой волос голова баронессы постоянно поворачивалась то вправо, то влево, голубые глаза блестели. Она дважды повторила: «В каком же царстве красоты вы живете!»

Дорога вывела их к Большому Каменному мосту, резкий ветер от Москвы-реки отрезвил Веронику. Она впервые задумалась над парадоксальностью ситуации, в которой сейчас оказалась. Неизвестная тетка пристала к ней и требует проводить ее до дома. «Что за абсурд?! И как я поддалась на такое?»

И тут баронесса странно посмотрела на нее и загадочно произнесла:

– Я вас знаю. Мне известна ваша тайна.

Вероника непроизвольно ощутила, как внутри все холодеет. На что она намекает?!

2

– Я знаю вас, – повторила Беатрис. – Только не уверена, что вы запомнили меня. Прошлом лето, пивной фестиваль в Штутгарте. Это ведь вы?!.. Мне известно, что **вы любите пиво!**

Вероника быстро «прошерстила» память. Точно! Она видела эту женщину там, на фестивале; она сидела напротив с подругой, толстой и на удивление болтливой. Вероника видела, как незнакомка пожирала ее глазами, только отвязаться от своего «хвоста» не могла.

– Я вас помню, – кивнула Борецкая.

– Мне очень хотелось подойти к вам, познакомиться.

– Почему вы этого не сделали?

– Я была не одна... Да и вы тоже. Тот мужчина со светлыми волосами...

– Это мой дядя.

– Я не знала.

– Думали – ревнивый друг?

– Да. И только потом, когда вы исчезли, я поняла, что потеряла вас навсегда. Мне стало все равно, как развернутся события, какой скандал закатит моя возлюбленная. Я бросилась следом, но в такой толчее вас было уже не отыскать. И вдруг... встреча в Москве! До сих пор не верю глазам.

Вероника молчала, ветер со стороны реки просто обезумел, рвал на женщинах волосы и одежду. Пришлось отступить. И тут баронесса неожиданно спросила:

– Ты не бросишь меня сегодня?

В голове Вероники пронеслись недавние слова ее друга и начальника Андрея Смирнова: «...тебе нужна семья, муж, который станет тебя любить... Нужны дети, наконец...» Он прав! Необходимо остановиться, жить нормальной жизнью, какой живет большинство женщин.

...А баронесса красива! Ее глаза... нет, это не глаза, а сверкающие бриллианты.

Ветер окончательно разбушевался, чуть не сбив Беатрис с ног. Вероника успела ее подхватить, и баронесса крепко прижалась к ней. Охваченная любовным безумием, она шептала:

– Моя! Моя!..

– Хорошо, поедem к тебе, – неожиданно для себя согласилась Вероника.

Консьержка посмотрела на Борецкую без особого интереса. Следователь догадалась, что она видела уже не одну пассию баронессы. Потом они поднялись на третий этаж, Беатрис открыла дверь, приглашая гостью проследовать за ней.

– У меня здесь уютно. Садись вот сюда. Что предпочитаешь: коньяк? виски?

– Виски, пожалуйста.

Беатрис принесла легкую закуску, откупорила бутылку, разлив содержимое по хрустальным рюмочкам. После этого бесцеремонно плюхнулась рядом с Вероникой.

– За что будем пить? – спросила гостя.

– Как за что?! За встречу! Я наконец-то нашла девушку, которую отчаялась найти.

– Красиво сказала, – рассмеялась Вероника.

По своей профессиональной привычке она выждала, когда Беатрис сделает первой глоток, после чего с удовольствием опустошила рюмку.

– А теперь закуска! – воскликнула баронесса. – Фрукты, икра... Обожаю икру. У нас в Германии это деликатес.

– Спасибо.

– Где научилась так драться?

- В разных местах, у разных учителей.
- Какая ты скрытная! Подожди, я сейчас еще кое-что принесу.

Беатрис вышла на кухню, а Вероника начала быстро осматривать зал и спальню. Она не предполагала, что ей здесь приготовлена ловушка, да только ничего поделывать с собой не могла.

Каждая деталь, любой более-менее подозрительный элемент не ускользнул от ее взгляда. Внезапно появилась Беатрис, которая тут же спросила:

- Что тебя так заинтересовало?
- Ничего, – равнодушно прозвучал голос Вероники. – Интересно посмотреть на твое жилище.

– Во-первых, оно временное. Во-вторых, ничего тут необычного нет. Когда приедешь ко мне в Штутгарт... Надеюсь, ты приедешь?

- Жизнь порой дарит нам необычные сюжеты.
- Вероника... можешь подождать еще чуть-чуть? У меня один важный документ от компании. Я быстро...

- Конечно.
- Не хочешь принять ванну? Я принесу тебе шампанское и сделаю массаж.
- Пока нет, – рассмеялась Борецкая.
- Как бы тебе не скучать...
- Занимайся делами. Обещаю, скучать не буду.

Вероника подошла к окну и снова усмехнулась, обдумывая предложение баронессы. Как она спешит! Наверное, уже представляет, как ее руки массируют тело Вероники...

Плевать на ее мечты! Нельзя расслабляться ни тут, ни в другом месте. Неведомый убийца неподалеку, возможно, совсем рядом...

Рядом с ней Беатрис!

Желая избавиться от навязчивых страхов, следователь всматривалась в темноту ночи. Это был ее любимый способ выйти из состояния стресса. Всегда, когда Вероника глядела на улицы, дома, деревья, она потихоньку успокаивалась. Так было и сейчас. Город большей частью заснул, но в ряде окон горел свет, цепь огоньков еще прорезала черный мир, не давая ему почернеть до бесконечности.

Только горстка огоньков... Его Величество Спокойствие на несколько часов установило над Москвой свой контроль. И никаким катаклизмам не пробраться в его уходящую на покой империю.

Снова зазвучал внутренний голос: «Не расслабляйся! Убийца приходит именно по ночам!..»

Некая фигура словно выплыла из тьмы и теперь, как коршун, парила над пустой улицей и засыпающими домами. Она высматривала новую жертву.

«Стой!» – мысленно крикнула Вероника, но та бесстрашно приблизилась к окну. Теперь лишь оно разделяло безумного палача и его преследователя.

- Покажись, – шептали губы Вероники.

Темное существо кивнуло, впилося в нее взглядом. «Лицо... ее лицо!»... И тут следователь поняла, что рассматривает зловещую пустоту.

«Опомнись, там никого нет!»

- Уверена, что я – только призрак? – расхохоталось нечто за окном.
- Нет, ты, к сожалению, реальность! Поэтому я вступаю с тобой в смертельный бой!
- Ой-ой-ой! Как страшно!
- Видишь, я догадалась. Что бы мне ни говорили, ты женщина! Но зачем?...
- Потому что я ведьма. Чаровница!
- Идиотка! Ты внимательно читала произведение? Ведьма ничего не разрушает, она предупреждает об опасности. Все остальное ей приписывают люди...

– Это твой писатель ничего не понял. Она – самый настоящий разрушитель. А все остальное – лукавство. Сама знаешь, слова ничего не стоят... Я питаюсь **духом разрушения**, в противоположность тому, кто упивается Созиданием.

...Снова кажущаяся бесконечной пустота улицы. Вероника умоляла себя не продолжать бессмысленного диалога с той, кого **сейчас нет за окном**. Однако новый вопрос помимо воли сорвался с языка:

– Почему для своей «исповеди» ты выбрала меня?

– Потому что ты выбрала меня! И не надейся, я теперь всегда буду рядом. Буду кружить над землей, издеваться над твоими бессмысленными попытками расправиться с бессмертной. Да, да, я бессмертна, как бессмертен порок.

– Не воображай себя вечной. Тебе все равно не уйти от возмездия, как не ушли от него многие твои прародители.

Очередной взрыв хохота. Убийца пыталась подорвать ее волю, лишить уверенности. Однако следователь резко бросила:

– Я выиграю! Иначе сама жизнь здесь теряет смысл.

Палач едко поинтересовалась:

– Выиграешь?

«...Но как, каким путем? Поведай!
Посредством лжи, обмана, бреда?»³

– Выиграю! – повторяла и повторяла Вероника. Она резко отвернулась, чтобы не видеть и не слышать больше этого ангела смерти.

...В который уже раз она обвела взглядом комнату. Что она тут делает? Пришла сюда точно под гипнозом баронессы!

И тут перед ней возникла сама хозяйка. Ее язык вожделенно облизывал губы. Она будто выманивала поцелуй Вероники.

– Мне пора, – сказала Борецкая.

Казалось, Беатрис хватит удар. Она не желала верить, что девушка-мечта покидает ее.

– Ты не можешь вот так взять и уйти!

– Я должна!

– Мы еще увидимся?...

Борецкая понимала: если скажет «нет», с баронессой случится истерика. Или вообще произойдет нечто худшее. Влюбленная женщина способна на все. Поэтому ответила: «Да». Ответила мягко и ласково. Затем добавила:

– Я бы осталась! Но обстоятельства...

– Поцелуй меня на прощание.

– Хорошо...

– ...Почему твой поцелуй такой холодный?!

– Прости, Беатрис, я пойду.

Оказавшись на лестничной клетке, Вероника ощутила, как болевшая уже некоторое время голова стала просто раскалываться. Надо было попросить у хозяйки таблетку. Где тут поблизости дежурная аптека?

Вероника постучала в комнатку консьержки, объяснила ситуацию. Сердобольная старушка тут же протянула ей лекарство.

³ И. В. Гете «Фауст» – Прим. авт.

Возможно, именно оно, и еще свежий воздух сделали свое дело, боль отступила. Вероника шла по ночной улице, раздумывая: не пора ли вызвать такси? Однако так и не вызвала. Минуя квартал за кварталом, она уходила в неизвестность.

Беатрис сидела на диване, размышляя о прекрасном и горьком вечере. Все было как в сказке: в чужом городе чужой страны встретить девушку, о которой она грезила! И когда повстречала, когда та согласилась прийти в ее дом, счастье улыбнулось самой лучезарной улыбкой. Вероника не маленькая, прекрасно понимала цель приглашения. Вроде бы готова была остаться. И вдруг...

Почему она так внезапно ушла?

«Если бы мне не пришлось отвлечься на то проклятое письмо от фирмы, все было бы по-иному. Я не дала бы ей уйти!»

У Вероники явно что-то произошло, она была в задумчивости, а потом... как будто впала в протрацию. Ее терзали неприятные воспоминания? И, когда осталась в комнате одна, они усилились?

Проклятое письмо от фирмы! Сто раз проклятое письмо!

«Сколько же в Веронике необычного! В лице, улыбке, взгляде такой магнетизм, что хочется броситься в ее объятия и раствориться в них. Ей даже не надо ничего говорить, молчание красноречивее любых слов!»

Беатрис готова была превратиться в служанку Вероники. Один повелительный жест этой чудной девочки, – и повидавшая виды богатая красавица была готова упасть к ее ногам.

«Она придет снова или?...»

Слово «или» – как кипятком по коже. Никакого «или» не может быть!

А вдруг?!

Баронесса вскочила, хотела тут же позвонить девушке-мечте, однако с ужасом вспомнила: та не оставила визитку.

Теперь «или» выросло до чудовищных размеров. Бездна захватывала душу, поражала тело, как раковые метастазы, ноги больше не держали, баронесса упала на диван, сотрясая тишину комнаты взрывами безутешных рыданий.

Раздался звонок в дверь!

Беатрис не могла поверить собственным ушам. Это Вероника! А кто же еще?!..

Баронесса успокоилась, к ней возвращалась прежняя уверенность. «Девчонка поломала комедию, а теперь сдалась. Рано я согласилась быть ее подданной!»

– Секунду! – крикнула Беатрис, смахнула с глаз слезы, припудрила личико. Она даже не стала проверять, кто там за дверью.

Никто не может прийти к ней сейчас, кроме Вероники.

– Проходи, дорогая, – пригласила она, специально не оборачиваясь. Она не желала, чтобы гостья заметила ее все еще мокрые глаза.

Когда обернулась, было уже слишком поздно... Нож лихо свистнул по горлу хозяйки, мгновенно отправив ее к праотцам.

Затем убийца позабавился с трупом, разрисовав лицо и тело пугающей символикой. В завершение, как обычно, нацарапал кровью жертвы на стене: «Чаровница» и спокойно покинул квартиру. Никто не попался ему ни на лестнице, ни в лифте. Консьержка уже спала, а видеокамеры почему-то не работали...

Он тоже решил прогуляться по ночным улицам Москвы. В отличие от Вероники его не терзали сомнения. Наоборот, буквально распирало чувство выполненного долга.

3

Это случилось, когда она была еще подростком. Стояло удивительно жаркое лето, и особенно палящим оказался тот июльский день...

Обычная маленькая деревушка на юге Белгородской области, куда ее ежегодно посылали родители. Причина проста: отправить девочку на отдых в жаркие страны они были не в состоянии, а здесь дедушка с бабушкой с нетерпением ждут единственную внучку. Внучка не спорила, не завидовала одноклассникам, посещавшим Италию или Испанию. Она не только смирилась с судьбой, но и не согласилась бы поменять ее. Она обожала свое место отдыха, где ее искренне любили.

Итак, в тот день она возвращалась с речки домой. Хотя расстояние небольшое, пыльная дорога в такое пекло кажется нескончаемой. Глядишь – и хватит солнечный удар.

Мимо плыл небольшой лес. Надеясь спастись там под сенью деревьев, девочка завернула в чащу. Путь до дома здесь длинней и ужасней – рытвины, пни, колючки, зато огненные лучи не сдирают с тебя кожу. Наверное, все закончилось бы хорошо, не раздайся поблизости... вой.

Девочка насторожилась: что если волки?! Правда, вспомнила слова деда, что волки тут не появляются и вообще летом они не нападают на людей.

Вой растворился среди сосен и дубов, все затихло. Девочка решила, что ей это почудилось. **Но вскоре вой раздался вновь.** И было в нем что-то... не совсем волчье. Ей приходилось слышать голоса серых хищников: они звучали жутко! Но сейчас, помимо звериных ноток, явно проскальзывали человеческие.

От страха девочку затрясло. Она с трудом сообразила, куда следует свернуть. Ноги, руки, все тело было изодрано в кровь о ветки деревьев. Только она об этом не думала. Главное – поскорее выскочить из чащи.

Однако от преследователя не скроешься. Казалось, он не бежал, а летел, пока, наконец, не предстал перед беглянкой.

Девочка вросла в дерево, от возникшего перед ней кошмара помутился рассудок...

Существо действительно чем-то напоминало огромного волка, только морда у него была другая!

На нее хитро поглядывал человек. Его щеки и лоб заросли шерстью. **Но это человек!**

Глаза оборотня не мигая глядели на девочку. И хотя никаких враждебных действий он не проявлял, она чувствовала: еще немного – и сердце разорвется от страха. Видимо, об этом догадалось и таинственное существо. Оно **кивнуло** ей, отпрыгнуло, вмиг исчезнув в зеленой массе.

Девочка медленно опустилась в траву. Лишь спустя некоторое время она поняла, что это вовсе и не трава, а крапива, но ей было все равно. Затем она осознала: невиданный зверь может вернуться. С невероятным трудом поднялась, медленно задвигала непослушными ногами. И только когда покинула чащу, облегченно крикнула. Дом бабушки и дедушки уже виднелся невдалеке. Но она до него не дошла...

Очнулась она в постели. Ахала бабушка, дед что-то втолковывал молодой женщине в белом халате. Увидев, что девочка открыла глаза, врач спросила:

– Как ты?

– Я... – у нее не было сил отвечать.

Врач некоторое время осматривала и ощупывала ее. Спросила: нет ли у пациентки головной боли, тошноты, попросила ее подняться и пройтись. Потом сказала:

– Последствия солнечного удара.

– Ужас! – снова заныла бабушка. – Бедняжка ты наша!

– Успокойтесь, – резко одернула врач. – Ничего страшного не случилось. Несколько дней – и она будет как новенькая. Сейчас я подробно напишу о методах лечения. Мокрые компрессы, но не ледяные. . .

Врач говорила долго, девочка не слушала. Ее мысли вновь вернулись к тому неведомому жуткому существу. Ей вдруг показалось, что оно рядом, заглядывает в окно. И она закричала!

Прошло несколько дней. Больная действительно быстро поправилась, однако страхи не улетучились. Она стала редко выходить из дома, а уж чашу обходила за километр. Сначала она молчала о странном происшествии, затем поделилась со стариками своими воспоминаниями. Те ее успокоили: никаких оборотней в этих местах нет.

– Но я **видела** его! – пыталась возразить девочка.

И опять ее убеждали, что она перегрелась на солнце, вот и привиделась разная чушь. А дед еще сердито добавил:

– Такой глупости поверит разве что наш сосед Владимир Анисимович.

Девочка слышала про этого соседа. Фамилия его была Чарский, он слыл местной знаменитостью, издавались его книги, посвященные истории Белгородской области. Жил он одно время в Старом Осколе⁴, занимал какой-то важный пост, но затем все бросил и перебрался в деревню. Дед обычно говорил, что помимо серьезных вещей в его книгах есть и полная дребедень. «Мол, проживает тут у нас разная нечисть – ведьмы и прочие, только мы их не видим». Девочка вдруг подумала, что, возможно, Владимир Анисимович ей поверит, стоит ему обо всем рассказать. Некоторое время она колебалась, но потом решилась.

⁴ Город на севере Белгородской области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.